

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711

Историческая память: школьники и студенты об истории России

Ссылка для цитирования: Подлесная М. А., Соловьёва Г. В., Ильина И. В. Историческая память: школьники и студенты об истории России // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711

For citation: Podlesnaia M. A., Solovyova G. V., Ilina I. V. Historical memory: schoolchildren and students about the history of Russia // *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711

**Подлесная
Мария Александровна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

yamap@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 661786

**Соловьёва
Галина Викторовна¹**

¹МАОУ гимназия 1,
Тюмень, Россия

znanian005@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 479700

**Ильина
Илона Валерьевна¹**

¹Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

i.v.ilina@utmn.ru

AuthorID РИНЦ: 893346

Аннотация. В статье поднимается проблема сохранения национального самосознания в условиях гибридизации/универсализации ценностей российской молодёжи. В связи с этим рассматривается концепт «историческая память» применительно к данным двух исследований, проведённых в школе и пяти университетах (как столичного, так и регионального уровней). Цель статьи – оценить содержание и вектор исторического знания о своей стране, отношение к этому знанию у молодёжи и подростков на разных образовательных уровнях. Рассматривается процесс сохранения преемственности школьного и вузовского образования в отношении отечественной истории выявляются точки разрывов. Дается общая оценка того, с какими периодами отечественной истории сохраняется связь молодых поколений россиян, какие уходят в прошлое, выявляя основные нарративы исторической памяти. В качестве основных результатов можно выделить следующее: 1. сохраняется преемственность и общая оценка у школьников и у студентов вузов в отношении по крайней мере двух событий отечественной истории – Великой Отечественной Войны 1941–45 гг. и исторической фигуры Петра I как первого императора России, сориентировавшего страну на Запад и сделавшего прорыв в её модернизации; 2. наблюдается разрыв исторической памяти в отношении событий, связанных с периодом Древней Руси, обнаруживается связь с советским прошлым; школьники и вовсе выделяют этот период как наиболее интересный и запоминающийся; 3. наблюдаются разрывы в преемственности исторического знания на уровне школьного и вузовского образования, это касается, например, такого события, как «присоединение Крыма к России в 2014 г.»; 4. среди школьников доминирует группа учащихся, у которых история страны вызывает гордость (58%), при этом есть группа тех, кто безразличен к своей истории или высказывает негативные оценки (8%) и относится к истории России нейтрально (34%), высок процент (76%) тех, кто считает что в истории России существуют разные события и необходимым помнить «мрачные» страницы своей истории; 5. в итоге мы наблюдаем молодёжь (в зависимости от возраста проявляющую себя не одинаково), которая по каким-то причинам стала сомневаться в своей стране и стыдиться за её прошлое, но вместе с тем готова участвовать в преобразованиях страны.

Ключевые слова: историческая память, memory studies, идентичность, национальное самосознание, отечественная история, патриотизм, школа, университет, подростки, студенческая молодёжь

Казалось бы, ещё вчера интеллектуальная и теоретическая повестка дня сохраняла приверженность идеям глобализма, поддерживая глобальное лобби не только медийно, но и политически. Но уже сегодня заговорили о «новом национализме» и задались вопросом, «есть ли будущее у национальных государств и наций» [8, с. 735]. Что же это на самом деле – очередной информационный повод или реально новая повестка дня?

Отметим, что тенденции подобных изменений связывают, как правило, с двумя основными факторами – с массовым засилием мигрантов на территории Европы, а также с бунтующей под лозунгом «Black lives matter» Америкой, из которой так и не получилось «плавильного котла» [11, с. 7], и с противостоянием простого населения транснациональному (а теперь и платформенному) капитализму, который давно в угоду

исключительно своим интересам стремится преодолеть связь народов как со своими территориями и этносами, так и лишить их законного суверенитета.

Несмотря на имеющийся разворот западной повестки дня в сторону нации и сопутствующему этому понятию национальной идентичности, в российской повестке появляются не менее интересные сюжеты. Представлены они чаще всего в исследованиях не теоретического, а эмпирического характера, посвящённых прежде всего изучению современной российской молодёжи.

Анализируя их, мы пришли к мысли, что в своей совокупности они говорят о противоречивом и, похоже, весьма неустойчивом характере ценностей российской молодёжи, о существовании в обществе групп молодёжи с различными ценностями и разными уровнями целостности, преобладания идентичности.

Например, одни исследования свидетельствуют о межпоколенческих изменениях и сдвигах в ценностях российской молодёжи, об ориентации (особенно в поколениях последних десятилетий – миллениалов и центиниалов) на сближение с ценностями молодых американцев [30, с. 332]. Или с Западом, как в исследовании В. Радаева, который также пишет о заметно возросшем интересе к переменам нового поколения молодёжи – центиниалов (поколение Z), рождённых в 2000-х гг., об их запросе на социальную справедливость, но и о том, что именно в самой младшей возрастной группе (18–24 года) образ желаемого будущего заметнее, чем в более «старшей» молодёжной группе, связывается с демократией, с идеей сближения с Западом и вхождения России в «общеевропейский дом» (рост за четыре года с 14 до 29%) [26, с. 129]. Невостребованной идеей на сегодняшний день среди молодёжи оказалась «идея возвращения России к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем» [26, с. 130]. Подобный факт автор объясняет главным образом отсутствием понимания молодёжью того, что такое «традиционные» ценности и как они могут реализоваться в условиях современности.

В другом исследовании находим утверждение иного плана, где заявляется, что «современное молодёжное пространство отличается значительной маргинализацией и периферизацией субкультурных групп, однако его производные чаще всего не противоречат доминирующим нормам морали» [46, с. 69–70], которые авторами статьи рассматриваются (со ссылкой на ряд исследований ФНИСЦ РАН) как неизменная приверженность молодых россиян пяти основным жизненным ценностям – семья, качественное образование; пусть не всегда высокооплачиваемая, но интересная работа; дружба, товарищество и стремление увидеть и познать окружающий мир [7, с. 22]. В конце авторы статьи и вовсе приходят к весьма смелому предположению, что «поддержка государством традиционных ценностей и провозглашение стратегических целей с опорой на традиции (как, например, в ст. 67. 1, которой предлагается дополнить Конституцию Российской Федерации), найдёт поло-

жительный отклик в молодёжной среде...» [46, с. 88]. Стоит отметить, что в данном исследовании принимали участие студенты четырёх вузов Республики Мордовия, т. е. молодёжь в возрасте от 18 до 24 лет, что сопоставимо с исследованием предыдущего автора.

Список подобных исследований с расхожими выводами можно было бы продолжить. Но остановимся на этом и попробуем разобраться, в чём же тут дело? Помимо сугубо методологических нюансов и отсутствия единообразия исследовательского инструментария, здесь присутствуют, на наш взгляд, и другие возможности объяснения. В частности, можно говорить о наличии в обществе двух имеющихся трендов – ориентации российской молодёжи на запад и, напротив, ориентации молодёжи на российскую специфику, её традиционализм. Можно было бы также подумать о региональной и столичной, шире – городской специфике подобных тенденций [20].

Не стоит забывать и о различиях в мировоззренческих основаниях, закладываемых системой образования, в частности – университетской средой. Как показывают отдельные исследования, «столичная» университетская молодёжь в большей степени выражает свою приверженность постмодернистским западноевропейским ценностям, учащиеся регионов – традиционалистским [27].

Наиболее релевантным сегодня признаётся объяснение, предложенное исследователем молодёжи Ю. А. Зубок, которая пишет о процессе гибридизации ценностей, или об их универсализме, как отмечается в ещё одном исследовании [40], указывая на сочетание глобального и локального, традиционного и современного, консервативного и либерального в смысловом пространстве российской молодёжи [12, с. 9]. В общем, это вполне согласуется с современностью в целом, отличающейся сочетанием и воспроизводством гибридных процессов и отношений [15].

Итак, проблемная область статьи заключается в том, что на сегодняшний день в ситуации появляющегося запроса на «новый национализм» в странах США и Европы и той неопределённости, которая возникла в отношении глобалистского проекта, целесообразно с особой тщательностью и вниманием отнестись к тому, что происходит в пространстве смыслов и идентичностей российских граждан, особенно молодёжи, чьи ценности неоднократно форматировались/форматируются и носят в связи с этим неустойчивый, гибридный характер. Данная проблема, на наш взгляд, может быть адекватно решена с помощью концепта и теории исторической памяти, а также внимательного изучения того, что составляет корпус российской исторической науки, концентрированно представленной в школьной программе, в вузах и того, что в итоге усвоения программы воспроизводится молодёжью, как согласуется/не согласуется с общей исторической памятью. Авторы статьи предпринимают подобную исследовательскую попытку (именно попытку, т. к. более серьёзные исследовательские результаты предполагают иной масштаб замеров) на основании двух проведённых опросов – в региональных школах и вузах (подробнее о методологии исследования в соответствующем

разделе), преследуя цель оценить содержание и вектор исторического знания о своей стране, отношение к этому знанию у молодёжи и подростков на разных образовательных уровнях.

Историческая память как категория социологической теории

На ниве изучения исторической, социальной, культурной, локальной, кибер- и прочей памяти работали и работают многие отечественные историки [34; 35; 36; 32; 33; 14; 44], социологи [45; 50; 51; 17; 1; 6; 21; 25; 5; 13; 19; 16; 4; 3; 52], философы, психологи [39; 10].

За последние несколько лет в свет вышло несколько новых изданий, посвящённых анализу исторической памяти, в частности, политики памяти [29], учебник по курсу «Историческая память», имеющий не только уже 2-е издание (2019, 2020) [43], но и положительные рецензии [22; 9].

Всё это многообразие безусловно свидетельствует о том, что концепт исторической памяти сегодня весьма востребован и популярен.

Начнём с основного определения памяти. «Память – это способ конструирования людьми своего прошлого», которая может изучаться как «память-свидетельство людей, переживших некий опыт», и напротив, как «репрезентации прошлого и его конструирования через медиа памяти – книги, фильмы, монументы, церемонии и т. д.» [43, с. 15]. В связи с чем основоположник данного направления исследований Морис Хальбвакс выделял два вида памяти – автобиографическую и историческую [47]; память, принадлежащую непосредственно индивиду, участнику событий, и память коллектива, группы.

Последняя, коллективная память, способна сохранять только те представления о прошлом, которые для чего-то нужны группе, она «по определению не выходит за пределы этой группы» [43, с. 52]. Таким образом, *изучая память последующих поколений на события прошлого, мы имеем дело не только с репрезентациями и конструктами этой памяти, но и с образцами памяти, отобранными коллективом, группой, обществом как наиболее значимые.* По этой причине у каждой нации есть своя историческая память, определяющая идентичность данного народа.

Определяющую роль в формировании и сохранении коллективной памяти и её образцов играет традиция, позволяющая индивидуальные воспоминания интегрировать в структуры коллективной памяти. Историческая память включает в себя не только сами факты, события прошлого, но и их понимание, осмысление последующими поколениями, ставя им положительные, нейтральные, отрицательные оценки, выделяя одни и предавая забвению другие. Таким образом, *отбор в каком-то смысле есть естественный процесс памяти, а хромотопное (пространственно-временное) переживание событий прошлого, их осмысление являются областью исторического сознания* [2].

Ещё один важный для нас тезис связан с утверждением Хальбвакса о том, что история и историческая память во многих отношениях противоположны; память, в отличие от истории, где есть строгие деления (периоды или схемы), – непрерывный поток мысли, сохраняющийся в сознании той группы, которая её поддерживает.

И хотя некоторые видные отечественные и зарубежные авторы (Й. Рюзен, П. Берк, Л. П. Репина и др.) считают, что историю как продукт профессионального историописания можно считать частью или видом исторической памяти, поскольку и сами историки причастны к «новому мифостроительству», будучи вовлечёнными в современную им культуру, стоит всё же согласиться с мыслью Хальбвакса, что «история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память. Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно, да и вообще как-то фиксировать» [47, с. 22.]. История продолжается, а память конечна, и в итоге, имея дело зачастую с репрезентациями и конструктами памяти, с отобранными в качестве наиболее значимых образцами памяти, исследователь не может не обращаться к истории как к корпусу знаний, как к устоявшейся форме уже переработанных нарративов. И это довольно сложно, так как по причине множественности дискурсов в настоящее время довольно трудно отличить одну репрезентацию от другой [55].

Основное значение в формировании как коллективной памяти, так и исторического сознания играют мнемонические места и их поддержание с помощью актов коммеморации. Коммеморативные мнемонические места укрепляют стереотипы нашего сознания, пробуждая специфические воспоминания о прошлом» [49, с. 203–204]. Посещение мнемонических мест, которыми могут быть люди, события, предметы, здания, традиции, легенды, географические точки, окружённые особой символической аурой [24], и связанные с этим ритуалы – один из самых действенных способов развития исторической памяти. Таким образом, мнемонические места, как и устная история, история семьи, – часть процесса социализации, педагогики и педагогической системы.

При это педагогическая система понимается сегодня шире, чем просто школьное образование, которое хотя и стало одной из важных форм исторического образования, но не единственной на сегодняшний день, куда большее значение приобретает внешкольная дидактика истории, представленная на телевидении, в музеях, художественной литературе, прессе, туризме, системе свободного образования, в партиях и объединениях, в парламенте [37, с. 31]. Не говоря уже о кинематографе [56] и социальных сетях, являющихся на сегодняшний день также пространством формирования смыслов [53], выступающих как альтернатива институциональным архивам и связанных с ними системам знаний и власти [57], как большие и доступные онлайн-энциклопедии [54].

Материалы, методология и методы исследования

Оба исследования, которые мы хотели бы здесь представить, проводились в 2018 г., одно было сосредоточено на изучении исторической памяти среди школьников провинциальной школы (руководитель проекта к.с.н. Соловьёва Галина Викторовна). Другое, более масштабное, было направлено на изучение ценностных ориентаций студенческой молодёжи университетов светской и религиозной направленности, столичных и региональных вузов, где среди прочих в анкете были вопросы на выявление маркеров исторической памяти российских учащихся (руководитель проекта д.э.н., профессор И. П. Рязанцев).

Исследования подобного рода уже были в практике российских социологов, более того, со своей методологической спецификой, как в случае исследования исторической памяти среди студентов РУДН, интересным прежде всего предложенными авторами исследования типами памяти [31, с. 297]; или как в случае опросов учащихся вузов Липецка и Ростова-на-Дону, выявляющих региональный уровень исторической памяти российской молодёжи и его сопоставление с общероссийскими и европейскими данными [18]. Значимо также и исследование динамики исторической памяти в российском обществе в целом, которое даёт не только полномасштабную картину изменений в России, начиная с 1989 г., но и основные тенденции, которые наблюдаются сегодня [28]. Относительно школьного образования исследований исторической памяти заметно меньше, но они также есть и прежде всего связаны с изучением патриотизма школьников [38].

В данной работе мы рассматриваем историческую память на двух образовательных уровнях – школьном и вузовском, пытаюсь обнаружить преемственность или, напротив, имеющиеся пустоты и разрывы.

Основным методом в двух проводимых нами исследованиях был массовый опрос. В одном случае школьников 7–11 классов МБОУ СОШ №3 г. Темрюка (n=176 учащихся в возрасте от 13 до 17 лет). В другом случае студентов пяти вузов – столичных: Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (далее МГУ), Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) и региональных: Тюменского государственного университета (ТюмГУ), Самарского технического государственного университета (СамГТУ), Севастопольского государственного университета (СевГУ). Выборка второго исследования составила 2505 человек. Массовый опрос учащихся проводился по котируемой выборке, где в качестве квот выступали не только пол, возраст и курс обучения, но и направление получаемой специальности: естественные науки, точные (технические), гуманитарные, социальные. Опрос проводился как с помощью онлайн-анкеты, так и у зданий вузов с помощью распечатанной анкеты и интервьюеров; особенно это касалось МГУ и СПбГУ, где опрос проводился в 2012 г. по тому же сценарию [41; 42].

Историческая память школьников (от 13 до 17 лет)

Отечественная история и интерес к ней

Одним из первых вопросов анкеты был вопрос на оценку имеющегося интереса к истории у школьников. Опрос показал, что чуть более трети опрошенных ребят интересуются историей своей страны (33%), 61% учеников изредка (от случая к случаю) проявляют свой интерес к истории России и только 6% совсем не интересуются отечественной историей. Таким образом, **интерес школьников к отечественной истории и её событиям присутствует, но носит преимущественно несистемный, поверхностный характер.** Для сравнения отметим, что общероссийское исследование показало интерес к отечественной истории у 80,3% россиян, т. е. можно также свидетельствовать, что интерес есть, но при этом лишь 14,8% опрошенных по-настоящему увлечены историей [28, с. 99]. Можно предположить, что школьники демонстрируют в этом отношении образцы поведения своих родителей, среди которых лишь немногие углублённо интересуются историей своей страны. У детей этот интерес даже заметно выше; скорее, по причине прохождения обучения в школе.

При этом основными источниками информации об истории России у школьников являются учебники и уроки истории (80,6%), ресурсы интернета, в том числе социальные сети (52%) и кинематограф (33%) (вопрос с множественными вариантами ответа). Очевидно, что в этом смысле школа до сих пор остаётся наиболее востребованным источником информации, и по этой причине вопрос о качестве преподавания истории (не только с точки зрения подачи информации, но и её научности, объективности) в школе по-прежнему актуален. Не меньшие требования должны предъявляться в настоящее время и к интернету, где черпают информацию об истории своей страны половина школьников.

Идентичность

как оценка прошлого и настоящего страны

Относительно выявления идентичности учащихся в анкете было предложено несколько вопросов. Один из первых касался того, существует ли причинно-следственная связь между историческими событиями в прошлом и настоящем. Примечательно, что для 66% школьников эта связь очевидна, лишь 4% такую связь отрицают, и 30% ребят затруднились с ответом. Таким образом, мы можем косвенно говорить о том, что для большинства опрошенных сегодняшний день страны немыслим без её прошлого, к которому можно относиться по-разному, но не без признания его заслуг в настоящем.

На вопрос о том, гордятся ли ученики историей своей страны, 58% школьников ответили утвердительно, при этом чуть больше трети опрошенных (34%) оценили своё отношение к истории страны как нейтральное, 6% учеников стыдятся за многие страницы в истории России,

а для 2% ребят история Родины совсем безразлична. Если суммировать данные последних трёх ответов, условно их обозначив «безразличное или отрицательное отношение», то получим внушительную группу школьников (42%), у кого история собственной страны либо не вызывает каких-либо чувств, либо вызывает отрицательные чувства, в частности стыд. Интересно, что это согласуется с выводом исследования, проведённого в среде студенческой молодёжи (со ссылкой в том числе на данные ВЦИОМ), в котором отмечается, что «представители молодого поколения легче, по сравнению со старшими, признаются в незнании истории и чаще считают правильным не испытывать особых эмоций по поводу событий прошлого [6]». И далее авторы исследования заключают: «Это может быть результатом как идеологических влияний, так и политики в сфере образования» [31, с. 295]. Мы бы добавили, что это также может быть следствием доступности информации разного качества и последствиями «информационного шума», когда определённого отношения не складывается и не может сложиться по причине нецелостности и мозаичности информации.

Кроме того, 76% ребят ответили, что в истории России существуют разные события, но и «мрачные» страницы в отечественной истории забывать не стоит. Только 7% учеников считают, что эти события нет смысла вспоминать, а 17% затруднились ответить. Большой процент считающих необходимым помнить «мрачные» события истории выявляет, на наш взгляд, одну из главных характеристик нашего времени, доставшуюся нам ещё от периода 1990-х, когда хорошим тоном считалось смотреть на собственную историю критично. Особенно ценным было осуждение советского прошлого и советской системы на фоне активно начавшего развиваться капитализма. Очевидно, что подобная болезнь могла пройти, но фантомные боли остались, а вместе с ними выросло и поколение подростков, которые (хотя на треть) относятся к истории своей страны безразлично, но в 76% случаев готовы помнить и признавать её бесславные моменты. Данный факт кажется нам весьма интересным, так как указывает на шаткость позиции, на её неопределённость, а учитывая возраст опрошенных (13–17 лет) говорит о её несамостоятельности, незрелости. Обратим внимание на этот момент, так как в анализе данных студенческого исследования он повторится, но уже в ином ракурсе и контексте.

Отечественная история в событиях и лицах

Один из блоков анкеты был посвящён открытым вопросам и ответам. Школьников просили назвать и оценить наиболее значимые, с их точки зрения, события в отечественной истории. Отметим, что несмотря на то, что история в школе у всех опрошенных учеников преподаётся два раза в неделю, все открытые вопросы, предполагавшие самостоятельное формирование ответа по историческим периодам и событиям, вызывали максимальные затруднения.

Согласно данным, из всех периодов в истории России (Древняя Русь, Московская Русь, Российская империя, СССР, РФ) наиболее «знакомым» для учеников стал период СССР. Далее по частоте упоминания (в сторону уменьшения) можно выделить период современной России, Московский период Руси, период Российской империи, причём именно здесь чаще всего упоминались события и деятели, связанные с культурой России, реформами, а также с армией и флотом – «постройка Санкт-Петербурга», творчество Пушкина, «создание флота», «выход к Балтийскому морю», «Северная война», «создание Московского университета в 18 в.», «победа над Наполеоном», и наконец, в самую последнюю очередь назывался период существования древнерусского государства. Главными событиями этого периода для школьников стали «крещение Руси» и «утверждение христианства», Куликовская битва и Ледовое побоище. Примечательно, что самый древний период истории России реже всего упоминался как запоминающийся, и в этом смысле память действительно конечна, как писали об этом Хальбвакс [48] и Нора [23]. Важно при этом, что период Московской Руси, связывавшийся школьниками в первую очередь с такими одиозными фигурами, как Иван Грозный, первые Романовы, Ермак Тимофеевич и завоевание им Сибири, более активны в памяти, чем период Российской империи, что также свидетельствует об избирательности исторической памяти и её предпочтениях в определённые исторические периоды. По какой-то причине период имперской России в сознании ребят оказался менее запоминающимся (не исключено, что это связано с такой подачей этого материала самими учителями), чем период Московской Руси, и уж тем более чем период Российской Федерации и СССР. Последний и вовсе оказался наиболее привлекательным для школьников, что само по себе является достижением исследования, так как, возможно, указывает на «развилку» исторической памяти, где сосредоточены в максимальной степени внимание, пытливость, усилия, чувства как самих учителей, так и их учеников. То есть **интерес исторической памяти школьников сосредоточен не на имперских амбициях, а на обществе справедливости и социальном государстве.**

В качестве ещё одной гипотезы предположим, что советский период связан с Великой Отечественной войной 1941–45 гг., которая за последние годы стала своеобразным символом страны, объединяющим началом всех граждан России, и именно по этой причине советский период оказался столь значимым для опрошенных нами школьников. Отметим, что ВОВ назвали в качестве наиболее важного события в истории России 41% учеников, все остальные называемые события не набрали и 10%, что безусловно говорит о значимости данного события среди школьников.

Итогом всех собранных ответов на открытые вопросы стала созданная нами таблица 1, в которой удалось выделить не только упоминаемые школьниками периоды, но и наиболее важные их события и личности, с ними связанные.

Таблица 1 (Table 1)

Представления школьников об отечественной истории с разбивкой на периоды, события, значимые личности

Perceptions by schoolchildren's of Russian history, broken down into periods, events, significant personalities

Период	События	Личность
СССР	Революция 1917 г., ВОВ, полёт Гагарина в космос, распад СССР	В. Ленин, И. Сталин, Б. Ельцин (его связывали с распадом СССР)
РФ	Воссоединение Крыма с Россией, «война в Сирии», «борьба с террористами», «победы в Олимпийских играх 2014 г.»	В. Путин
Московская Русь	Ливонская война, поход Ермака в Сибирь	Иван Грозный, Ермак Тимофеевич
Российская империя	Основание Санкт-Петербурга, создание флота и выход к Балтийскому морю в результате победы в Северной войне, открытие Московского университета, победы в русско-турецких войнах, победа в Отечественной войне 1812 г.	Петр I, Екатерина II
Древняя Русь	Крещение Руси, Ледовое побоище, Куликовская битва	Владимир I, Александр Невский и Дмитрий Донской

Проанализировав указанные школьниками исторические события (и частоту их упоминания), можно сделать вывод, что знакомыми и значимыми событиями для учащихся стали в первую очередь события современной истории (воссоединение Крыма с Россией), военные победы: «*Войны, благодаря которым устанавливалась справедливость*» (ученица 8 класса, 15 лет), социальные потрясения, которые привели к распаду государства, а также первый полёт человека в космос. Менее знакомыми являются события из истории отечественной культуры и науки, и это несмотря на увеличение количества тем по этим разделам в школьных программах по истории России.

Далее школьникам предлагалось оценить по 5-балльной шкале те области исторических событий, которые, на их взгляд, составляют корпус исторического знания о России (можно было выделить несколько вариантов ответа и/или предложить собственный).

Исходя из полученных данных, мы получили список тех областей исторических событий, которые по оценке школьников составляют историю России:

- 1 место – герои войн и сопротивления;
- 2 место – военная история России;
- 3 место – освоение и развитие космоса;

- 4 место – русские (российские) путешественники и первооткрыватели;
- 5 место – достижения в спорте;
- 6 место – достижения в науке;
- 7 место – достижения отечественной культуры;
- 8 место – вожди и лидеры народных волнений, революций;
- 9 место – деятельность руководителей государства;
- 10 место – успехи в политике и политическая справедливость в стране;
- 11 место – успехи в экономике страны и благосостояние населения.

Итак, лидирующими стали такие разделы истории России, получившие наивысший балл, как «герои войн и сопротивления», «военная история России», «освоение и развитие космоса». Серединное место занимают: «русские (российские) путешественники и первооткрыватели», «достижения в спорте», «достижения в науке и культуре». Предпоследние позиции заняли темы: «вожди и лидеры народных волнений, революций», «деятельность руководителей государства». Реже всего наивысший балл ученики ставили темам: «успехи во внутренней политике и политическая справедливость в стране», «успехи в экономике страны и благосостояние населения», что можно объяснить, скорее всего, недостаточной осведомлённостью и критическим отношением учеников к этим вопросам истории страны. Это необходимо учитывать при анализе современных протестных настроений в молодёжной среде.

Наиболее значимыми историческими деятелями для учащихся стали государственные и военные деятели (Владимир I, Александр Невский и Дмитрий Донской, Иван Грозный, Пётр I, Екатерина II, В. Ленин, И. Сталин, Б. Ельцин, В. Путин). Наиболее популярными среди школьников являются военачальники: маршал Г. Жуков и генерал-фельдмаршал М. Кутузов, а также руководители второго ополчения 1611–12 гг. князь Д. Пожарский и К. Минин.

К сожалению, никто из учеников не назвал фамилии «простых» героев войн, деятелей культуры и науки, путешественников и др. Среди не относящихся к государственным деятелям и полководцам названы лишь Юрий Гагарин и Ермак Тимофеевич.

Подводя первые итоги можно отметить, что историческая память школьников содержит как новые, так и старые нарративы. Условно «новые» связаны прежде всего с появлением заметной группы школьников, безразличных или отрицательно относящихся к своей истории, с возникшим у них пониманием, что не все события отечественной истории могут вызывать одобрение, более того, за отдельные страницы истории может быть стыдно. При этом у большинства опрошенных есть интерес к советскому прошлому страны, где была возможна идея справедливости и социального государства, где была одержана победа

народа в одной из самых страшных мировых войн. К «старым» нарративам можно отнести по-прежнему устойчивое отношение школьников к ВОВ как к главному историческому событию отечественной истории, хотя может быть и с новым звучанием, т. к. очевидцев этого события остаётся всё меньше, и дети воспринимают репрезентации и реконструкции памяти о войне.

Историческая память учащихся вузов (от 18 до 24 лет)

Историческая память студентов замерялась нами тремя основными вопросами (в самой анкете было около 50 вопросов). Оценивалось отношение к своей стране (чувство патриотизма), наиболее значимые/дорогие события отечественной истории и деятельность исторических личностей, чья политика вызывает наибольшее/наименьшее уважение. В списке ответов были предложены политические деятели различных взглядов – консерваторы, либералы (ультралибералы), социал-демократы, анархисты, монархисты, националисты (ультранационалисты, фашисты) и пр. Это было сделано с целью понять, каким политическим взглядам современные студенты симпатизируют, насколько эти симпатии национально ориентированы. По этой же причине в список были включены не только политические деятели российской истории, но и мировой, были исключены имена наиболее популярных политиков современности, например, президента РФ Путина В. В., дабы избежать ангажированности анкеты. Для желающих указать свой вариант ответа была предложена графа «Другое». Анализ делался на сравнении ответов студентов столичных и региональных вузов, с акцентом на специфике последних.

Патриотизм

Согласно полученным данным (см. табл. 2), можно выделить наиболее популярные группы ответов: 1. Россия – дом, в котором я живу, и от меня зависит, каким он будет; 2. Россия – страна с кучей нерешаемых проблем. Максимально эмоциональное утверждение «Россия – моя любимая Родина!» заняло лишь третью строчку, из чего, на наш взгляд, следует, что ни сами утверждения подобного рода (в которых нет идейной позиции или посылка к действию), ни безусловный патриотизм в студентах от 18 до 24 лет не вызывают отклика. А то, что действительно волнует, содержит в себе критический взгляд на страну и желание быть участником её преобразований, изменений. Это не позиция сторонних наблюдателей, это позиция активных членов общества. И подобный патриотизм можно было бы обозначить как умеренно критический, деятельный.

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов учащихся вузов на вопрос «Россия для меня – это...», %
Distribution of university students' answers to the question "Russia for me is ...", %

«Россия для меня – это...»	Столичные вузы		Региональные вузы		
	МГУ	СПбГУ	ТюмГУ	СамГУ	СевГУ
Дом, в котором я живу, и от меня зависит, каким он будет	30,5	22,9	31,2	35,4	34,6
Страна с кучей нерешаемых проблем	20,3	11,6	20,7	22,3	16,1
Моя любимая родина	17,1	7,1	15,1	14,6	14,7
Страна, в которой нет условий для нормальной жизни меня и моих детей	8,3	9,6	8,9	13,5	11,6
Страна с возможностями для достойной жизни каждого человека	6,3	4,2	10,0	5,5	11,1
Затрудняюсь ответить	6,1	4,2	6,7	3,6	5,8
Другое	8,7	38,4	4,6	3,6	3,9
Страна, которую я не сумел (не сумела) полюбить	2,7	2,0	2,8	1,5	2,2

Подобное отношение к стране характерно для учащихся как региональных, так и столичных вузов, с той лишь разницей, что в ответах студентов Санкт-Петербургского государственного университета присутствует особая позиция по этому поводу, что нашло своё отражение в процентах графы «Другое» (38,4%) и письменных ответах респондентов. Надо заметить, что записи учащихся заслуживают отдельного внимания и отдельной статьи.

Отечественная история в событиях и лицах

Вопрос с несколькими вариантами ответов о значимых событиях отечественной истории дал весьма интересные результаты, обозначив в том числе разницу в оценках российской истории учащихся региональных и столичных университетов.

Например, распад СССР в 1991 г. как значимое историческое событие, отмеченное учащимися трёх региональных вузов, для студентов МГУ и СПбГУ не является таковым (26,5 и 27% соответственно), как и восстановление патриаршества в 1917 г. Тогда как в качестве значимых событий учащимися МГУ и СПбГУ были отмечены первый полёт человека в космос в 1961 г. (47,3% в МГУ, 35,8% в СПбГУ) и Великая Отечественная война 1941–45 гг. (35,5 и 30% соответственно). Обращает внимание и то, что крестьянская реформа 1861 г., отменившая крепостное право в России, также оказалась значимой для опрошенных в МГУ и СПбГУ (28,8 и 24,5%), а для студентов региональных вузов не представила заметного интереса, впрочем, как и русская революция 1917 г., которую в качестве значимого события отметили опять же респонденты столичных университетов (22,5% в МГУ, 15,7 – в СПбГУ).

При этом для учащихся региональных вузов дороги события отечественной истории, в частности Куликовская битва (в Севастопольском госуниверситете это события отметили 41,4% опрошенных) и «Стояние» на реке Угре (27,9% в СевГУ; 27,3 – в СамГТУ, 16,7 – в ТюмГУ). О чем же говорят эти данные?

Решающая победа русских войск в Куликовской битве стала важным шагом на пути к восстановлению единства Руси и будущему свержению золотоордынского ига, которое в эпоху, последовавшую за Куликовской битвой, существенно изменило свой характер в сторону большей самостоятельности великих московских князей. А «Стояние» на реке Угре в 1480 г., по мнению большинства советских и российских историков, положило конец монголо-татарскому игу на севере и северо-востоке Руси, где оно держалось дольше всего и где шёл процесс становления единого Русского государства, которое стало полностью независимым. Следовательно, выбранные события не только тесно связаны друг с другом, но и имеют значение национального укрепления и объединения России. То, что учащиеся региональных вузов в большей степени, чем студенты МГУ и СПбГУ, склонны указывать эти события отечественной истории в качестве значимых, может говорить о том, что для молодёжи из регионов важны именно те события, которые позволяют говорить о России как о независимом и самостоятельном государстве, с национальным самосознанием.

Выбор учащихся МГУ и СПбГУ свидетельствует о чем-то ином: и первый полёт человека в космос, и победа в Великой Отечественной войне – события, указывающие на существенные победы русских, на их способность влиять на процессы не только своей, но и мировой истории. А предпочтение студентами данных вузов таких событий, как крестьянская реформа 1861 г. и революция 1917 г., скорее всего подчёркивает преемственность поколений студентов этих же университетов. Как видим, студенты МГУ и СПбГУ воспринимают свою страну и события её истории несколько иначе, чем учащиеся региональных вузов, для которых Россия не столько страна мировой, и главным образом европейской истории, сколько самобытное и самостоятельное государство. В связи с этим возникает закономерный вопрос, имеем ли мы дело в таком случае с памятью различных групп или с различным восприятием фактов истории, может быть, контристорией? И если это всё же различие в восприятии отечественной истории, то на каком этапе школьной или вузовской программы это происходит? Подобные вопросы, как нам кажется, тесно связаны с тем, что было обнаружено нами на этапе исследования в школе, когда было зафиксировано, что уже сегодня есть часть подростков, безразлично относящихся к прошлому своей страны.

С точки зрения заявленной темы исследования, в вопрос о наиболее значимых событиях отечественной истории нами были включено несколько «контрольных» вариантов ответа, в частности: «крещение Руси в 988 г.» и «таких событий нет». Данные показали, что по важности событие «крещение Руси в 988 г.» уступает многим другим и не занимает первых строчек.

Для большинства учащихся формирование России как национального государства связывается в первую очередь с военными победами, научными достижениями и т. д., но не с принятием православия. При значимости событий отечественной истории в целом, принятие Русью православия для учащихся вузов остаётся за рамками их исторической памяти (либо постепенно вытесняется из неё). Вместе с тем мы наблюдаем, что проценты тех, для кого значимых событий в отечественной истории «совсем нет», минимальны. В ТюмГУ и СамГУ таковых вообще не нашлось.

Примечательно также, что с точки зрения последних достижений России присоединение Крыма в 2014 г. как событие не вызвало особой поддержки студентов ни региональных, ни столичных вузов. Даже учащиеся Севастопольского госуниверситета, для которых это должно было быть актуально, не выразили особого энтузиазма по этому поводу. В качестве дорогого сердцу события его указали лишь 21,4% опрошенных. О чём это могло бы говорить? Во-первых, о том, что значимые события отечественной истории большинством опрошенных связываются с прошлым страны (как далёким, так и не очень). Новейшая история и её события ещё недостаточно осмыслены, чтобы делать о них выводы. Во-вторых, «присоединение Крыма к России» уже сегодня имеет самые разные оценки, что находит отражение и в ответах студентов.

Не совсем понятными с точки зрения анализа и интерпретации данных стали наименьшие проценты в региональных вузах среди отметивших Великую Отечественную войну 1941–45 гг. в качестве дорогого сердцу события отечественной истории, и, напротив, большие проценты опрошенных, выбравших «восстановление патриаршества в 1917 г.» в качестве значимого события. Последнее особенно странно, если учитывать минимальные проценты опрошенных, действительно участвующих в церковной жизни, и тот факт, что для многих опрошенных «крещение Руси в 988 г.» остаётся малозначимым событием в истории России.

Попробуем предположить, что данный ответ выбирали наобум (устав от заполнения анкеты) или иронизируя, либо оценку значимости данного события делали исходя из иной логики: восстановление патриаршества в 1917 г. – событие, породившее современные институции РПЦ и придавшее Церкви тот облик и те возможности, которые она имеет сегодня. Дорогим сердцу событием признаётся учащимися региональных вузов и «распад СССР в 1991 г.», но и здесь возникает вопрос о том, в каком смысле «дорогим» – с позиции действительно значимого, близкого сердцу, или, наоборот, внутренне отвергаемого? Возможно, что проблема в формулировке вопроса, и отвечая так, учащиеся региональных вузов имели в виду что-то совсем другое, посчитав и распад СССР, и восстановление патриаршества в России событиями, существенно изменившими страну и привнесшими в её развитие больше негативного, чем позитивного опыта. В контексте этой же логики могут быть объяснены и минимальные проценты среди учащихся региональных вузов тех, кто назвал в качестве дорогого события Великую Отечественную войну

1941–45 гг. Война, тем более такая, которая унесла миллионы жизней, не может быть дорогой сердцу, это беда, трагедия, боль, о которой трудно говорить, тем более в анкетной форме. Это не просто галочка в качестве варианта ответа, это действительно значимо. Таким образом, стоит признать, что мы столкнулись с определёнными сложностями относительно сформулированного нами вопроса и тех ответов, которые он получил. В этом смысле ответы студентов МГУ и СПбГУ, привыкших к соцопросам, возможно, были менее обдуманными и более шаблонными.

Несмотря на это, стоит признать, что в восприятии отечественной истории студентами столичных и региональных вузов есть как общие, разделяемые большинством нарративы, так и отличные друг от друга.

Перейдём к анализу третьего вопроса (см. рис. 1). Согласно полученным данным, первую строчку в списке занимает император Пётр I, лидируя в качестве политического деятеля, вызывающего наибольшее уважение во всех пяти вузах. Причём больше всего голосов этому историческому деятелю отдали студенты региональных вузов, особенно ТюмГУ (64,4%).

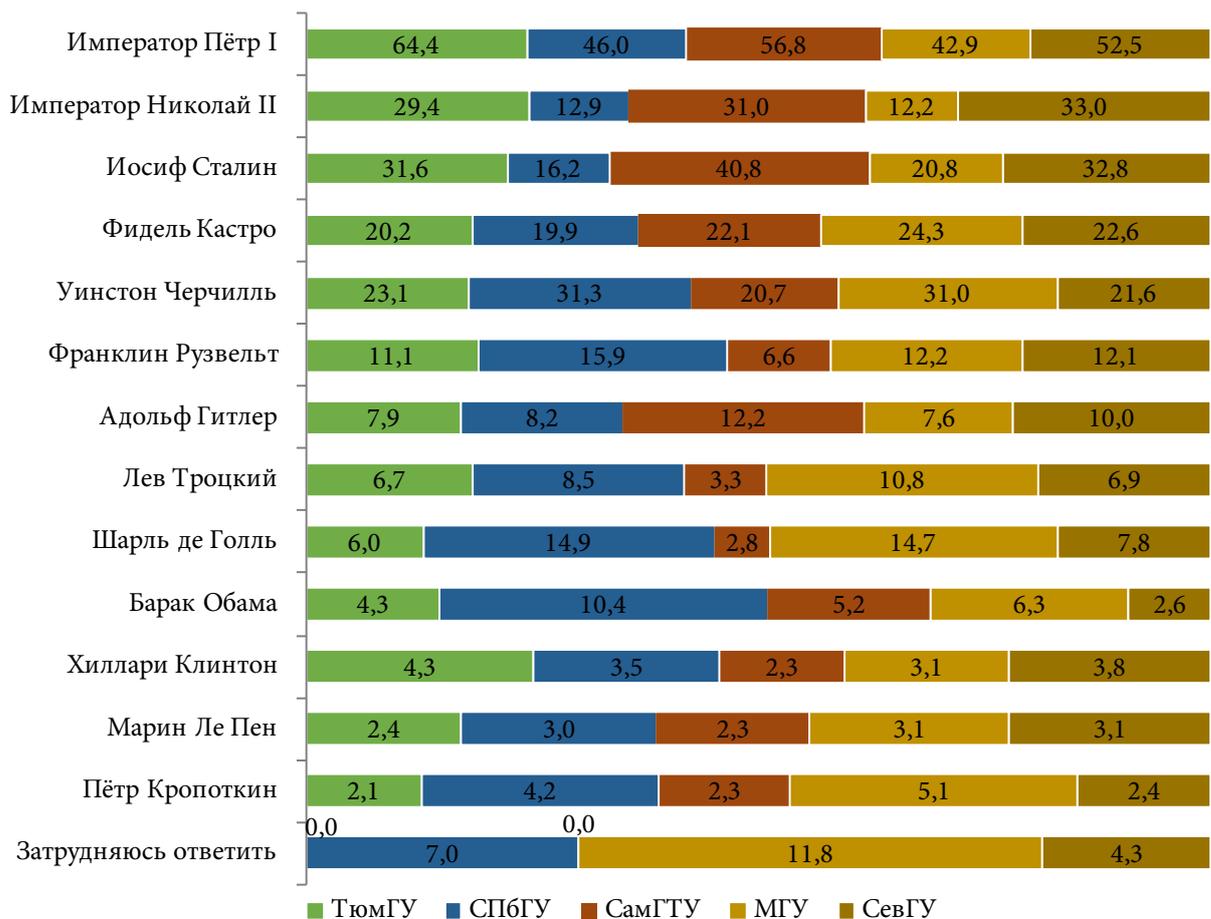

Рис. 1. Распределение ответов учащихся вузов на вопрос: «Кто из представленных ниже политических деятелей вызывает ваше наибольшее уважение?», %
(вопрос с несколькими вариантами ответа)

Figure 1. Distribution of university students' answers to the question: "Which of the political figures presented below commands your greatest respect?", %
(multiple choice question)

Среди ответов студентов столичных вузов мы наблюдаем весьма интересную картину: количество выбравших Петра I в качестве политического деятеля значительно меньше, чем в региональных вузах (в МГУ 42,9% и в СПбГУ почти 46%). Особенно это странно для СПбГУ как части города Петра.

Вместе с тем и в отношении Иосифа Сталина наблюдается почти та же картина: если региональные вузы отдают именно ему вторую позицию в списке, причём в Самарском техническом госуниверситете таковых значительно больше (40,8%), чем в СевГУ (32,8%) и ТюмГУ (31,6%), то в МГУ и СПбГУ этот политический деятель получает 20,8 и 16,2% соответственно.

Император Николай II, занимающий, по мнению учащихся региональных вузов, несомненно третью строчку в списке наиболее уважаемых политических деятелей, в оценке студентов МГУ и СПбГУ проигрывает эту позицию: ему отдают предпочтение всего лишь 12% опрошенных в МГУ и 12,9% – в СПбГУ. В столичных вузах вторую строчку в рейтинге наиболее уважаемых политических деятелей получает премьер-министр Великобритании времён Второй Мировой войны Уинстон Черчилль, которого выбрали более трети учащихся как МГУ, так и СПбГУ. Таким образом, по оценке учащихся этих вузов, первые позиции в списке наиболее уважаемых политических лидеров могут возглавлять не только отечественные, но и европейские политики. При этом отношение самого Черчилля к России в разные годы было неодинаковым и довольно противоречивым.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что учащиеся региональных вузов ориентированы прежде всего на «героев» своей страны, студентов МГУ и СПбГУ привлекают в том числе и европейские политики.

Основной вывод данной части работы состоит в том, что историческая память учащихся региональных и столичных вузов неодинакова. При общем содержании нарративов, отношение к событиям, историческим деятелям и трактовка исторических событий у студентов региональных и столичных вузов всё-таки различна. На наш взгляд, это связано главным образом с особенностями историографии, которую отдельно можно рассматривать как особый род социальной памяти; с акцентами, которые расставляются преподавателями; в направленности дидактических материалов и всего того, что представлено за рамками школьной и вузовской дидактики (кинематограф, интернет, платформы открытого образования и т. д.). В этом смысле история преподаётся и передаётся таким образом, что формирует критическое отношение к отечественной истории и умеренно критический патриотизм.

Заключение

Подведём итоги и попробуем ответить на вопрос, сохраняется ли преемственность в школьном и вузовском образовании, какие события отечественной истории согласуются, где обнаруживаются разрывы памяти и как это сказывается на национальном самосознании. Сделаем это по основным нашим критериям.

Значимые события и периоды отечественной истории

Первое, что обращает на себя внимание, преемственность у школьников и студентов вузов в отношении периода Древней Руси и его событий (в частности, крещение Руси). Этот период не актуализирован ни для подростков, ни для студенческой молодёжи, по каким-то причинам он далёк и неинтересен им. Куда более их интересует история XX в., и в этом есть определённый маркер – сознание нации в каждую конкретную историческую эпоху решает задачу той эпохи, которая оказывается наиболее труднодоступной для понимания, в которой есть оставленные, нерешённые задачи. С определёнными эпохами хочется сохранять преемственность, с другими, напротив, обнаружить разрыв; у школьников и студентов этот разрыв связан с периодом Древней Руси. А связь обнаруживается с советским периодом, школьники и вовсе выделяют этот период как наиболее интересный и запоминающийся.

Великая Отечественная война 1941–45 гг. является тем событием российской истории, которое значимо и для школьников, и для студентов (правда, в отношении студентов обнаруживается узел противоречий, обозначенный в их требовании к формулировке вопроса о ВОВ, а также в том, что это событие даже среди студентов столичных вузов не получило первых строчек. Возможно это вызвано тем, что о Великой Отечественной войне довольно много стали говорить в последние годы в связи с набирающим силу движением «Бессмертный полк». Возможно и потому, что победа в этой войне для русского человека является тем событием, из которого государство и нация черпают силу, вдохновение для настоящих и будущих поколений. Происходит мифологизация события, закрепление за ним статуса события национального масштаба и особой национальной гордости. Главное достижение русских в ВОВ – это победа вопреки, победа в условиях смерти и жизни на износ, в этом проявилась может быть главная национальная черта русского человека – выносливость и терпеливость. Как показали опросы, для школьников и студентов это событие ценно.

Есть также преемственность в том, что школьники называют в качестве значимой исторической фигуры Петра I, точно так же, как и студенты, которые видят в нём первого и наиболее уважаемого политического деятеля российской истории. Симптоматично, что в этом единодушны студенты и региональных, и столичных вузов, не всегда выражающие солидарное мнение. Царь и первый император России, сориентировавший её на Запад, сделавший прорыв в модернизации страны, рассматривается на уровне школьного и вузовского образования как безусловно уважаемый политик.

Военная составляющая отечественной истории признавалась школьниками в качестве основной, достижения в других областях представлялись менее заметными. На уровне вузов, прежде всего региональных, это проявилось в высоких оценках тех военных кампаний, которые обеспечили независимость России как самостоятельного государства.

Таким образом, военная тематика и военные события отечественной истории остаются основными в учебниках истории, по крайней мере на уровне региональных школ и вузов. В столичных университетах военная тематика отечественной истории представляется менее популярной.

Есть и разрывы в преемственности исторического знания на уровне школьного и вузовского образования. Прежде всего это касается такого события, как «присоединение Крыма к России в 2014 г.». Если на уровне школьного опроса ученики не без гордости на открытый вопрос писали «Крым наш!», то на уровне вузов это событие едва отмечалось в качестве значимого.

Идентичность и патриотизм

Из всего вышеизложенного особенно интересен вывод о патриотических чувствах опрошенных и их идентичности. Почти 42% опрошенных школьников безразличны к своей истории или высказывают негативные оценки, в том числе говоря о стыде; высок процент (76%) тех, кто считают необходимым помнить «мрачные» страницы своей истории. Вместе с тем есть и потенциал, определяющийся тем, что заметная часть студенческой молодёжи выражает свой умеренно критический патриотизм и желание деятельного участия в судьбе своей страны, что свидетельствует о том, что в разные возрастные периоды отношение к стране, её истории, а также патриотические чувства проявляются по-разному. Стоит обратить внимание на часть школьников, которые безразличны к своей истории, готовы помнить «мрачные» её моменты. Настораживает, что среди самых юных россиян есть по каким-то причинам сомневающиеся или стыдящиеся прошлого своей страны. Это может быть связано как со школьной, так и с внешкольной дидактикой, с позицией самих учителей или родителей, и безусловно требует отдельного самостоятельного исследования.

Библиографический список

1. Аргунова Е. В., Тимофеева М. А. Революционные события и вожди Октября 1917 г. в восприятии населения Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 145–152. DOI: 10.7868/S0132162518040165
2. Бадмаев В. Н. Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 1 (13). С. 78–84.
3. Бритвина И. Б. Проблема сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 18–21.
4. Головашина О. В. Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 64–71.

5. Головашина О. В., Линченко А. А., Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 123–133.
6. Горшков М. К., Петухов В. В. Октябрьская революция 1917 г. и её последствия в восприятии современных россиян // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 6–18. DOI: 10.7868/S0132162518010026
7. Горшков М. К. Российская молодёжь: К истории и роли в современном обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 4. С. 16–25. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1>.
8. Горшков М. К., Баграмов Э. А. «Новый национализм» и проблема нации в трактовке американских социальных теоретиков // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 733–751. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-733-751
9. Дементьев И. О. Что такое историческая память? Рец.: Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. (сер. «Учебники Европейского университета») // Историческая экспертиза. 2019. № 2 (19). С. 206–218.
10. Емельянова Т. П. Социальные представления как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. № 4. С. 49–59.
11. Заостровцев А. П. Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? / Андрей Заостровцев. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 310 с.
12. Зубок Ю. А. Молодёжь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1688](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688).
13. Коротецкая Л. В. Холокост как социальная и культурная конструкции памяти: фактор травмы и позиция жертвы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 107–117.
14. Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2011. 336 с.
15. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 296 с.
16. Макарова Л. В. Великая Отечественная: что остаётся в личной памяти? // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 107–114.
17. Малинкин А. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23–34. DOI: 10.31857/S013216250009409-2
18. Мерзлякова И. Л., Линченко А. А., Овчинникова Э. В. Об историческом сознании современной студенческой молодёжи // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 89–96.

19. Мильорати Л., Мори Л., Коломиец В. К. Тень классического наследия и её преодоление. Память о движении сопротивления и «конфликтность» памятных мероприятий // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 108–115.
20. Молодёжь в городе: культуры, сцены и солидарности. [Текст]: коллект. моногр. / Сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко; Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 502 с.
21. Мысливец Н. Л., Романов О. А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 9–19. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19
22. Николай Ф. Рец. на кн.: Ю. А. Сафронова. Историческая память: введение: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. (Учебники Европейского университета) // Антропологический форум. 2019. № 43. С. 180–188. doi: 10.31250/1815-8870-2019-15
23. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 202–208.
24. Нора П. и др. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325с.
25. Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 147–156. DOI: 10.7868/S0132162517110162
26. Петухов В. В. Российская молодёжь и её роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119–138. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.
27. Подлесная М. А. Развитие российского общества с точки зрения ценностей студенческой молодёжи // Социология религии в обществе Позднего Модерна. 2020. Т. 9. С. 145–154.
28. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98–107.
29. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. Коллективная монография под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.
30. Попов Н. П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 309–323. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15>

31. Пузанова Ж. В., Нарбут Н. П., Ларина Т. И., Тертышникова А. Г. Типология исторической памяти о Второй Мировой войне: методологические аспекты изучения (на примере студенчества РУДН) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 292–306. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306
32. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–52.
33. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
34. Репина Л. П. Память о событиях в измерениях пространства и времени // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 34–40.
35. Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое и прошлое. 2016. № 1. С. 82–99.
36. Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15.
37. Рольфес Й. Дидактика истории: история, понятие, предмет // Преподавание истории в школе. 1999. № 7. С. 29–33.
38. Ростовцева Л. И., Гельфонд М. Л., Мирошина Е. Ю. Патриотическое воспитание глазами экспертов и школьников // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 75–83. DOI: 10.31857/S013216250006163-2
39. Рягузова Е. В. Коллективная память и инстанции темпоральности // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. № 2 (30). С. 138–145. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-138-145>
40. Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Богдан И. В. Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 97–109. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109
41. Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Козлов И. И. Университет: его ценности и традиции в воспоминаниях его преподавателей (на основании изучения образовательных биографий) // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 12. Вып. 4. С. 221–228.
42. Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Петрова А. А., Козлов И. И., Пахарь А. М. Ценностные ориентации студенческой молодежи в вузах светской и религиозной направленности // Вестник РУДН. 2016. Серия: Социология. Т. 16. № 3. С. 559–575.
43. Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие / Ю. А. Сафронова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 224 с.

44. Сафронова Ю. А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–31. DOI: 10.31249/poln/2018.03.01
45. Тощенко Ж. Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 18–22. DOI: 10.31857/S013216250009419-3
46. Ушкин С. Г., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. От теоретических конструкций к практическим убеждениям: как этические принципы реализуются в жизненных стратегиях молодёжи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 66–93. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1596>.
47. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.
48. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
49. Хаттон П. История как искусство памяти / Пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль: Фонд Ун-т, 2003. 422 с.
50. Широкалова Г. С. Историческая память молодёжи: село vs город // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 28–37. DOI: 10.31857/S013216250010005-8
51. Широкалова Г. С. Коммуникативная память: опыт изучения семейных историй (по материалам социологического практикума в вузе) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 145–153. DOI: 10.7868/S0132162518050136
52. Штоп-Рутковска К. Киберпамять, или О чем мы (не) помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 130–139.
53. Birkner T., Donk A. Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? // Memory studies. 2018. Vol. 13. Issue 4. P. 367–383.
54. Gustafsson K. Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias // Memory studies. 2017. Vol. 12. Issue 2. P. 184–197.
55. Kidman J., O'Malley V. Questioning the canon: Colonial history, counter-memory and youth activism // Memory studies. 2020. Vol. 13, Issue. 4, P. 537–550.
56. Kuhn A., Biltereyst D., Meers Ph. Memories of cinemagoing and film experience: An introduction // Memory studies. 2017. Vol. 10. Issue 1. P. 3–16.
57. Liebermann Y. Born digital: The Black lives matter movement and memory after the digital turn // Memory studies. 2020. Vol. 14. Issue 5. P. 1–18.

Статья поступила 17.05.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Подлесная Мария Александровна, старший научный сотрудник, кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Соловьёва Галина Викторовна, кандидат социологических наук, учитель истории и обществознания МАОУ гимназия 1, г. Тюмень, Тюмень, Россия

Ильина Илона Валерьевна, старший преподаватель, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711

Historical Memory: Schoolchildren and Students About the History of Russia

Maria A. Podlesnaia

Institute of sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: yamap@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2159-4958

Web of Science Researcher ID: R-8140-2019

Galina V. Solovyova

Municipal utonomous educational institution gymnasium No. 1 of the city of Tyumen, Tyumen, Russia

E-mail: znaniam005@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7765-2515

Iлона V. Ilyina

Tyumen State University, Tyumen, Russia

E-mail: i.v.ilina@utmn.ru

ORCID ID: 0000-0003-3118-2372

For citation: Podlesnaia M. A., Solovyova G. V., Ilyina I. V. Historical memory: schoolchildren and students about the history of Russia // *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711

Abstract. The article raises the problem of preserving national identity in the context of hybridisation / universalisation of the values of the Russian youth. In this regard, the concept of “historical memory” is applied to the data of two studies carried out in schools and five universities (both at the capital and regional level). The purpose of the article is to assess the content and vector of historical knowledge of students about their country, the attitude to this knowledge among young people and adolescents at different educational levels. The process of continuity of school and university education in the national history is considered, the points of breaks are revealed. A general assessment is given on which periods of Russian history retain the connection with the young generations of Russians, and on which ones go into the past, revealing the main narratives of historical memory. The main conclusions are as follows: 1. the continuity and general assessment among schoolchildren and university students is maintained in relation to at least two events in the Russian history – the Great Patriotic War of 1941–45 and the historical figure of Peter I as the first emperor of Russia, who turned the country to the West and made a breakthrough in its modernization; 2. there is a gap in historical memory in relation to events associated with the period of Ancient Rus, a connection with the Soviet past is revealed; schoolchildren even single out the Soviet period as the most interesting and memorable; 3. there are gaps in the continuity of historical knowledge at the level of school and university education, this concerns, for example, such an event as “the annexation of Crimea to Russia in 2014”; 4. among schoolchildren dominates (58%) a group of students who are proud of the country history, whilst there is a group of those who are indifferent to their history or express negative assessments (8%) and have a neutral attitude to the history of Russia (34%), there is a high percentage (76%) of those who believe that there are different events in the history of Russia and it is important to remember the “dark” pages of one’s own history; 5. as a result, we see young people behaving differently depending on the age, who, for some reason, began to doubt their country and are ashamed of its past, but at the same time are ready to participate in the country’s transformations.

Keywords: historical memory, memory studies, identity, national self-awareness, national history, patriotism, school, university, adolescents, student youth

References

1. Argunova E. V., Timofeeva M. A. The 1917 revolutionary events and October leaders in St.-Petersburg population view. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 4: 145–152. DOI: 10.7868/S0132162518040165 (in Russ.).
2. Badmaev V. N. Mentality and historical memory. *Vestnik Kalmyczkogo universiteta*, 2012: 1(13): 78–84 (in Russ.).
3. Britvina I. B. The problem of preserving and updating the memory of the Great Patriotic War. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 5: 18–21 (in Russ.).
4. Golovashina O. V. An associative experiment to measure civic identity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 7: 64–71 (in Russ.).
5. Golovashina O. V., Linchenko A. A., Anikin D. A. Memory of the great patriotic War: Victory Day in the historical consciousness of Russian. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 3: 123–133 (in Russ.).
6. Gorshkov M. K., Petuxov V. V. The October revolution of 1917 and its aftermath in the public perception of modern Russians (experience in sociological measuring). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 1: 6–18. DOI: 10.7868/S0132162518010026 (in Russ.).
7. Gorshkov M. K. Russian youth: to the history and role in modern society. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 2019: 8: 4: 16–25. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1> (in Russ.).
8. Gorshkov M. K., Bagramov E. A. “New nationalism” and the issue of nations in the interpretation of American social theorists. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 2020: 20: 4: 733–751. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-733-751 (in Russ.).
9. Dement`ev I. O. What is historical memory? Rec.: Safronova Yu.A. Historical Memory: An Introduction: A Study Guide. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. 220 p. (ser. «Uchebniki Evropejskogo universiteta»). *Istoricheskaya e`kspertiza*, 2019: 2 (19): 206–218 (in Russ.).
10. Emel`yanova T. P. Social`ny`e predstavleniya kak instrument kollektivnoj pamyati (na primere vospominanij o Velikoj Otechestvennoj vojne) [Social representations as a tool for collective memory (on the example of memories of the Great Patriotic War)]. *Psixologicheskij zhurnal*, 2002: 4: 49–59 (in Russ.).
11. Zaostrovcev A. P. Polemika o modernizacii: obshhaya doroga ili osoby`e puti? [The Modernization Controversy: A Common Road or Special Paths?] / St. Petersburg, Izdatel`stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020: 310 (in Russ.).
12. Zubok J. A. Youth: Life Strategies in a New Reality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial`nyye peremeny*, 2020: 3: 4–12. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688> (in Russ.).
13. Koroteczkaya L. V. The Holocaust as a Social and Cultural Construct of Memory: The Trauma Factor and the Position of the Victim. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 3: 107–117 (in Russ.).
14. Krizisy` perelomny`x e`pox v istoricheskoy pamyati [Crises of critical epochs in historical memory]. Pod red. L. P. Repinoj. Moscow, IVI RAN, 2011: 336 (in Russ.).
15. Latur B. Novogo vremeni ne by`lo. E`sse po simmetrichnoj antropologii [There was no new time. Essays on Symmetrical Anthropology]. Transl. from Fr. by D. Ya. Kalugina. St. Petersburg, Izdatel`stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2006: 296 (in Russ.).
16. Makarova L. V. The Great Patriotic War: What Remains in Personal Memory? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 11: 107–114 (in Russ.).
17. Malinkin A. N. Historical memory of the Great Patriotic War: epistemologic and genealogic aspects. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 5: 23–34. DOI: 10.31857/S013216250009409-2 (in Russ.).
18. Merzlyakova I. L., Linchenko A. A., Ovchinnikova E. V. Ob istoricheskom soznanii sovremennoj studencheskoj molodyozhi [On the historical consciousness of modern student youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014: 12: 89–96 (in Russ.).
19. Mil`orati L., Mori L., Kolomiecz V. K. Ten` klassicheskogo naslediya i eyo preodolenie. Pamyat` o dvizhenii soprotivleniya i «konfliktnost`» pamyatny`x meropriyatij [The shadow of the classical heritage and its overcoming. Memory of the resistance movement and the “conflict” of commemorative events]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014: 1: 108–115 (in Russ.).

20. Molodyozh` v gorode: kul`turny`, sceny` i solidarnosti [Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarity]. [Tekst]: kollekt. monogr. / Ed. By E. L. Omel`chenko; Nacz. issled. un-t «Vy`sshaya shkola e`konomiki». Moscow, Izd. dom Vy`ssej shkoly` e`konomiki, 2020: 502 (in Russ.).
21. My`slivecz N. L., Romanov O. A. Historical memory as a socialcultural phenomenon: an attempt of sociological reconstruction. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 2018: 18: 1: 9–19. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19 (in Russ.).
22. Nikolai F. A review of Ju. A. Safronova, *Istoricheskaya pamyat: vvedenie* [Historical memory: an introduction]: a textbook. St. Petersburg, European University at St. Petersburg press, 2019, 220 pp. *Antropologicheskij forum*, 2019: 43: 180–188. DOI: 10.31250/1815-8870-2019-15 (in Russ.).
23. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World commemoration]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2005: 2–3(40–41): 202–208 (in Russ.).
24. Nora P. Franciya-pamyat` [France-memory]. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1999: 325 (in Russ.).
25. Omel`chenko E. L., Andreeva Yu. V. What remains in the family history: the memory of “the soviet” in the conversation of three generations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 11: 147–156. DOI: 10.7868/S0132162517110162 (in Russ.).
26. Petukhov V. V. Russian Youth and Its Role in Society Transformation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial`nyye peremeny*, 2020: 3: 119–138. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621> (in Russ.).
27. Podlesnaya M. A. The development of Russian society from the point of view of values of student’s youth. *Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna*, 2020: 9: 145–154 (in Russ.).
28. Pokida A. N., Zy`bunovskaya N. V. The dynamics of historical memory in Russian society (based on the results of sociological monitoring). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 3: 98–107 (in Russ.).
29. Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranax Vostochnoj Evropy`. Aktory`, instituty`, narrativy` [The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives]. Kollektivnaya monografiya. Ed. By A. I. Millera, D. V. Efremenko. St. Petersburg, Izdatel`stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020: 632 (in Russ.).
30. Popov N. P. Russian and American generations of the 20th century: where have Millennials come from? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial`nyye peremeny*, 2018: 4: 309–323. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15> (in Russ.).
31. Puzanova Z. V., Narbut N. P., Larina T. I., Tertyshnikova A. G. Typology of historical memory about the World War II: Methodological aspects of the study (on the example of the RUDN students). *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 2020: 20: 2: 292–306. DOI: doi: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306 (in Russ.).
32. Repina L. P. Istoricheskaya pamyat` i sovremennaya istoriografiya [Historical memory and modern historiography]. *Novaya i novejschaya istoriya*, 2004: 5: 39–52 (in Russ.).
33. Repina L. P. Kul`turnaya pamyat` i problemy` istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki) [Cultural memory and problems of historiography (historiographic notes)]. Preprint WP6/2003/07. Moscow, GU VShE`, 2003. 44 p. (in Russ.).
34. Repina L. P. Memory of Events in Measurements of Space and Time. *Izv. Saratov Univ. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020: 20: 1: 34–40. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40> (in Russ.).
35. Repina L. P. Events and Images of the Past in Historical and Cultural Memory. *Novoe i proshloe*, 2016a: 1: 82–99 (in Russ.).
36. Repina L. P. Historical Memory and National Identity: Approaches and Research Methods. *Dialog so vremenem*, 2016b: 54: 9–15 (in Russ.).
37. Rol`fes J. Didaktika istorii: istoriya, ponyatie, predmet [Didactics of history: history, concept, subject]. *Prepodavanie istorii v shkole*, 1999: 7: 29–33 (in Russ.).
38. Rostovceva L. I., Gel`fond M. L., Miroshina E. Yu. Patriotic education in experts and senior pupils’ eyes. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 8: 75–83. DOI: 10.31857/S013216250006163-2 (in Russ.).
39. Ryaguzova E. V. Collective Memory and Instances of Temporality. *Izvestiya Saratov Univ. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*, 2019: 8: 2 (30): 138–145. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-138-145> (in Russ.).

40. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Bogdan I. V. Universalism of Student Youth Values and the Development of Russian Society. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 2021: 21: 1: 97–109. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109 (in Russ.).
41. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Kozlov I. I. University: its values and traditions in its professors' memories (based on educational biographies study). *Vestnik SPbGU*, 2014: 12: 4: 221–228 (in Russ.).
42. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Petrova A. A., Kozlov I. I., Paxar` A. M. Value orientations of the student youth in religious and secular universities. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 2016: 16: 3: 559–575 (in Russ.).
43. Safronova Yu. A. Istoricheskaya pamyat`: vvedenie: uchebnoe posobie [Historical Memory: An Introduction: A Study Guide] / Yu. A. Safronova. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020: 224 (in Russ.).
44. Safronova Ju. A. The third wave of memory studies: Going against the grain for twenty-three years. *Politicheskaya nauka*, 2018: 3: 12–31. DOI: 10.31249/poln/2018.03.01 (in Russ.).
45. Toshchenko Zh.T. What happens to the historical memory of the Great Patriotic War? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 5: 18–22. DOI: 10.31857/S013216250009419-3 (in Russ.).
46. Ushkin S. G., Koval E. A., Zhadunova N. V. From Theoretical Design to Practical Viewpoints: Implementation of Ethical Principles in Youth Life Strategies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2020: 3: 66–93. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1596> (in Russ.).
47. Xal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat` [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2005: 2–3: 8–27 (in Russ.).
48. Xal'bvaks M. Social'ny'e ramki pamyati [Social framework of memory] / Transl. from Fr. by S. N. Zenkina. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007: 348 (in Russ.).
49. Xatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati [History as an art of memory] / Patrik X. Xatton; Transl. from Eng. by V. Yu. By`strova. St. Petersburg, Vladimir Dal`: Fond Un-t, (Akad. tip. Nauka RAN), 2003: 422 (in Russ.).
50. Shirokalova G. S. Historical memory of the young people: village vs city. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 9: 28–37. DOI: 10.31857/S013216250010005-8 (in Russ.).
51. Shirokalova G. S. Communicative memory: studying family stories (materials of sociological workshop at the University). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 5: 145–153. DOI: 10.7868/S0132162518050136 (in Russ.).
52. Shtop-Rutkovska K. Cyber memory, or what we (do not) remember on the net. Local memory analysis: Bialystok and Lublin. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 4: 130–139 (in Russ.).
53. Birkner T., Donk A. Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? *Memory studies*. 2018: 13: 4: 367–383.
54. Gustafsson K. Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias. *Memory studies*, 2017: 12: 2: 184–197.
55. Kidman J., O'Malley V. Questioning the canon: Colonial history, counter-memory and youth activism. *Memory studies*, 2020: 13: 4: 537–550.
56. Kuhn A., Biltereyst D., Meers Ph. Memories of cinemagoing and film experience: An introduction. *Memory studies*, 2017: 10: 1: 3–16.
57. Liebermann Y. Born digital: The Black lives matter movement and memory after the digital turn. *Memory studies*, 2020: 14: 5: 1–18.

The article was submitted on: May 17.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria A. Podlesnaia, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Galina V. Solovyova, Candidate of Sociological Sciences, Teacher of History and Social Studies, Municipal autonomous educational institution gymnasium No. 1 of the city of Tyumen, Tyumen, Russia

Iлона V. Ilina, Senior Lecturer, Tyumen State University, Tyumen, Russia